

ДИАЛОГ

психологический и социально-педагогический журнал

2014

№ 12

Семья

Детская ревность

Обучение подростков разрешению семейных конфликтов

Человек в социуме

Программа развития коммуникации и творчества детей и родителей в приемной семье

Кабинет клинического психолога

Травма детского сексуального абьюза

Академический портал

Метафоричность мышления будущих психологов

Философско-методологический анализ и его прагматическое значение

Комментарий к статье
М. И. Категова
«Философско-методологический смысл анализа "значения" в культурно-исторической концепции Л. С. Выготского и антропологистике М. М. Бахтина»

Александр Андреевич ПОЛОННИКОВ,
кандидат
психологических наук,
заместитель директора
Центра проблем развития
образования БГУ

Редакция журнала «Диалог» обратилась к автору этих строк с предложением высказать свое отношение, а если получится, то и написать комментарий к статье М. Категова «Философско-методологический смысл анализа "значения" в культурно-исторической концепции Л. С. Выготского и антропологистике М. М. Бахтина». По прочтении текста, который меня, не скрою, задел, я потянулся к телефонной трубке, чтобы сказать главному редактору: «Отдавайте немедленно текст в печать. У нас в стране наконец-то появился человек, который, во-первых, имеет свои мысли, а во-вторых, достаточно искусно их выражает». Однако я этого не сделал, а сел писать комментарий. Хочу в этой вводной части также заметить, что мое мнение относительно необходимости публикации работы М. Категова принципиально не изменилось и после второго, и даже третьего ее прочтения. Более того, это мнение даже упрочилось, несмотря на то, что его основания существенно измени-

лись. Я не стану в этом введении утомлять читателя своими собственными методологическими экспликациями, полагая, что большая часть из них, так или иначе, проявит себя в последующем изложении. Здесь же только отмечу, что мой специфический интерес к тексту М. Категова заключен в вопросе о текстуальной власти, на значимость которой в свое время указал научному сообществу американский лингвист Р. Скоуэлл. Последний немало сделал для создания и реализации программы критического чтения, которую он считал основным предметом образовательных усилий вузовских педагогов: «Мы должны помочь им [студентам] обнаружить и раскритиковать власть, действующую за текстами..., а также научить создавать тексты, которые сделают их сильнее...»¹.

Перед началом изложения я хотел бы договориться с читателем о нескольких условиях. Одна из них касается героев повествования М. Категова — Л. С. Выготского,

¹ Scholes R. Textual Power. Literary Theory and the Teaching of English / R. Scholes. — London : Yale University Press ; New Haven, 1985. — P. 78.

М. М. Бахтина, Ж. Пиаже и пр., но касается не совсем обычным образом. Я не стану вступать с автором статьи в дискуссию по поводу их творческого наследия. Для этого нужно не только отдельное время и место, но и иная специализация автора комментария. Вопросы правильной интерпретации творчества этих ученых не будут иметь для нас самостоятельного значения. Предлагаемое читателю изложение окажется ближе к тому, что принято называть «литературной критикой», апеллирующей не к реальным жизненным событиям, а к изображаемым персонажам, в отношении которых в нетекстуальные отсылы не вполне корректны. Можно, конечно, искать прототипы, но зачем?

Или, другими словами, поведение героев статьи М. Категова мы попытаемся рассмотреть в нарративном, а не логическом или методологическом контексте, как явление, подчиненное риторическим правилам, регламентирующим главным образом позиции адресанта и адресата. При этом первый — адресант — будет иметь мало общего с автором комментируемой статьи М. Категовым, а второй — адресат — с реальным читателем его произведения. Обе эти позиции мы будем рассматривать как текстуальные конструкции, референция которых соотнобразуется с высказываниями, а не с затекстовыми обстоятельствами. Для удобства понимания в тех случаях, когда в комментарии речь будет идти о них, мы будем использовать кавычки, например, «автор», «читатель» и т. д. Тогда же, когда комментарий станет апеллировать внетекстуальным организованностям, например, читателю комментария, кавычки применяться не будут. Процедура заключения в кавычки не исключает возможности идентификации читателя с той или иной обозначенной нами ролью, но задаваемая кавычками дистанция все же, хочется думать, создаст некую семиотическую преграду, притормаживая автоматизм ролевого отождествления.

В нашу с читателем конвенцию должно также войти правило чтения, которое связано с определенным «категориальным поворотом». Мы предлагаем читать статью М. Категова не с точки зрения ее семантики, но прагматики. В этом случае нам предстоит обращать внимание не на то, ЧТО говорится, а на то, что этим говорением ДЕЛАЕТСЯ. Делается прежде всего в отношении текстуального «автора» и производимого текстом «читателя». В определенном смысле такое чтение окажется асодержательным, опирающимся на известный тезис Г. М. Маклюэна о том, что «“содержание” средства коммуникации подобно сочному куску мяса, который приносит с собою вор, чтобы усыпить бдительность сторожевого пса нашего разума»².

* * *

Поскольку читатель данного комментария в той или иной степени уже познакомился с комментируемым текстом, то мы не станем утомлять его пересказом основных положений статьи, да это и не предусмотрено нашим договором. Выделим в тексте статьи несколько принципиальных с нашей точки зрения фрагментов, в которых (предположительно) текстуальная власть являет себя как феномен самоорганизации. Один из этих фрагментов, размещенный во вступительной части статьи, сообщает о том, что все факты концептуально нагружены и *«реальный методологический раздел между различными отраслями знания происходит не в предметной области, а в собственно методологической. То есть не в том, о чем идет речь, а в том, как, в каких концептуальных средствах строится эта речь»*.

Что означает это утверждение в плане позиции «автора» и «читателя»? Мы видим, что и название статьи, и приведенный выше тезис однозначно фиксируют ноуменальный (мыслительный статус) предмета обсуждения. Последнее создает для «автора» стратегически выгодное

² Маклюэн Г. М. Понимание Медиа: внешние расширения человека / Г. М. Маклюэн; пер. с англ. В. Н. Николаева. — М.: Жуковский: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2003. — С. 22.

место, обусловленное мета-характером методологической позиции. Заметим, что это место «чистое» (пустое), поскольку «автор» только в итоге изложения сможет нам *«указать на ту историко-философскую позицию, [заняв которую] можно обозреть общность»* «Бахтина» и «Выготского». Между тем то, что такое обобщение в принципе осуществимо, текст утверждает вполне определенно, хотя и с некоторым смягчением: *«...я не ставлю здесь задачи дать некую объективную историко-философскую картину взаимодействия двух концепций. Все, на что я рассчитываю в рамках данной статьи, — это указать на несколько общих мыслительных мотивов»³, в которых вариативно проявляется историческое движение живого мышления, выходящего за пределы того или иного индивидуального сознания».*

Заметим, кстати, что идея преодоления онтологии индивидуального сознания на примере творчества Бахтина и Выготского не новая весть для гуманитарной традиции. Русскоязычному читателю должны быть известны работы современных американских психологов⁴ Дж. Верча и Дж. Шоттера, реализовавших, на наш взгляд, удачную попытку коммуникативной редакции сговорчества Л. С. Выготского. Их исследования убедительно показывают, что деятельностное прочтение наследия Выготского, осуществленное А. Н. Леонтьевым и его коллегами, является именно прочтением,

а не «Выготским-на-самом-деле». Наверное, опыт Верча и Шоттера — не единственная попытка перепрочтения Выготского в диалогическом духе. Это значит, что любой, пытающийся сегодня говорить по поводу Бахтина и Выготского, должен как-то реагировать на традицию обсуждения данного любопытного предмета, делая тем самым и свой вклад в научную дискуссию более очерченным и осмысленным.

Однако продолжим. Заняв стратегически важную высоту, обусловленную метапредметным положением философско-методологического взгляда, «автор» начинает обозревать окрестности, обнаруживая в окружающем его разнообразном интеллектуальном ландшафте все новые и новые «общие мотивы». На этом текстуальном самоучреждении — методологической позиции — мы хотим немного «потоптаться», поскольку видим в этом предприятии риторический ход, с помощью которого текст решает вопрос о власти. Вслед за критической педагогикой назовем этот прием «решением пограничного вопроса»⁶. В чем этот прием заключается? С развиваемой здесь точки зрения в нескольких конституирующих власть текста процедурах.

Прежде всего в создании паноптической ситуации⁷. В комментируемом тексте это сообразуется с философско-методологической позицией, высотой, господствующей над местностью. Наблюдатель, находящийся в защищенном дистанцией абстракции

³ Подчеркивание наше (А. П.).

⁴ См.: Шоттер, Дж. «М. М. Бахтин и Л. С. Выготский: интериоризация как «феномен границы»» / Дж. Шоттер // Вопросы психологии. 1996. № 6. — С. 107—117; Верч, Дж. «Голоса разума. Социокультурный подход к опосредованному действию» / Дж. Верч; пер. с англ. Н. Д. Сполисор. — М.: Тривола, 1996. — 176 с.

⁵ Здесь будет уместно указать также и на вклад в «диалогизацию» творчества Л. С. Выготского белорусского психолога Г. М. Кучинского. (См. Кучинский Г. М. Психология внутреннего диалога / ■ Г. М. Кучинский. — Минск: БГУ, 1988. — 190 с.).

⁶ Согласно Жиру категория «пограничье» показывает в буквальном и метафорическом смысле то, как по-разному власть вписывается в тело, культуру, историю, пространство, территорию и психику». (См. Giroux H. A. Border Pedagogy and the Politics of Postmodernism // Social Text, No 28, 1991. Giroux H. A. Border Pedagogy and the Politics of Postmodernism // Social Text, № 28, 1991. — P. 51).

⁷ Паноптикон (паноптикум) — термин, который использовал М. Фуко для описания режима контроля в тюрьме, базирующегося на принципе тотального наблюдения. Основная цель паноптикона: «привести заключенного в состояние сознаваемой и постоянной видимости, которая обеспечивает автоматическое функционирование власти» (См. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., Ad Marginem, 1999. — С. 294).

положении, получает доступ ко всем доступным взору уголкам текстуального пространства и волен обращаться с его элементами достаточно произвольно. Например, ассоциировать, диссоциировать, формировать множества или подмножества. Выступая инстанцией символического контроля, сама философско-методологическая позиция постоянно ускользает от идентификации и появляется под своим именем «трансцендентальный эмпиризм» лишь в конце статьи. То есть тогда, когда «пить боржоми уже поздно».

Между тем для того, чтобы «авторский» произвол не выглядел откровенным насилием и, соответственно, не порождал на полюсе «читателя» той или иной формы сопротивления, объекты манипулирования должны быть приведены в удобную для обращения форму. Поскольку, как замечено выше, паноптическая машина текста уже запущена, то теперь всем элементам предметного поля следует подчиниться требованию обзорности, а его содержаниям — идентифицируемости и сопоставимости. Для этого все включаемые в обзор реалии претерпевают специфическую переработку, приобретая подходящую для манипуляций форму. Именно здесь мы, как читатели, должны расстаться с верой в портретное сходство героев описания с их прототипами и начать воспринимать происходящее на наших глазах не как отражение реальных событий, а как поэтический акт, рождающий новую реальность. В этой реальности герои и приобретают статус объектов уподобления.

Механизм указанной переработки выявил в свое время Ж. Деррида, введя в обращение термины «панорама» и «панорография». Панорограф — инструмент, позволяющий сделать одновременно видимым все множество предназначенных к наблюдению предметов. «Благодаря

схематизму и более или менее явному при-
внесению пространственного измерения, мы обзираем на плоскости и с большей свободой лишившееся своих сил поле, лишившуюся своих сил целостность, пусть даже это целостность формы и смысла, ведь в данном случае речь идет о смысле, заново продуманном в форме, а структура есть формальное единство формы и смысла... Таким образом, рельеф и очертания структур обнаруживаются лучше, когда содержание, то есть живая энергия смысла, нейтрализовано», — писал Ж. Деррида⁸. Он показывал, что важнейшая сторона переработки материала заключается в его плоскостном расположении и связанной с ним нейтрализацией. Благодаря этому в ходе акта обозрения (и при его посредничестве) обозреваемые предметы приобретают пригодную для манипуляций операбельную форму. Сравнимость умопостигаемых объектов связана не их «природой», а дискурсивным принуждением к сравнимости. Подчеркнем еще раз: «идентифицируемость», «обзоримость» и «сопоставимость» предполагают плоскость, то есть нечто однородное и прямолинейное. Возможная принадлежность подлежащих манипуляции предметов разным пространствам игнорируется, и они экспонируются аудитории в лучшем случае не как различия миров, а как различия внутри единого мира. Только в этом случае «автор» имеет шанс расслышать «общие мотивы».

Нейтрализация⁹, лишая объекты манипуляции собственной онтологии и праксеологии и подводя их под общий знаменатель, позволяет «автору» безболезненно производить все необходимые ему сравнительно-различительные действия. Так в комментируемой статье нейтрализованы концептуальные миры, например, Вygотского и Пиаже, и их «марьяж» не воспринимается «читателем» как противосто-

⁸ См. Деррида Ж. О грамматологии / Ж. Деррида ; пер. с фр. Н. Автономовой. — М.: Ad Marginem, 2000. — С. 10.

⁹ См. Бурдые П. Клиническая социология поля науки / П. Бурдые ; пер. с фр. Ю. В. Марковой // Социоанализ Пьера Бурдые. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. — М. : Институт экспериментальной социологии ; СПб. : Алетейя, 2001. — С. 68.

ственный. «Автор» даже пускается вместе со своими персонажами в рискованное онтогенетическое приключение, смело соединив кем-то когда-то и зачем-то разделенные процессы экстериоризацию и интериоризацию в единой последовательности речевого развития: *«Таким образом мы получаем сложный генезис речевой деятельности: 1) усваиваемая речь Другого; 2) эгоцентрическая речь; 3) внутренняя речь; 4) устная диалогическая речь; 5) письменная монологическая речь»*.

И «читатель» при этом не вскрикнет: «Аврал, методологическое недоразумение!» Его согласие предуготовано всеми предшествующими оптическими процедурами текста, которые создали коридор «читательского» восприятия, лишенный боковых ниш и выходов. Позиция «читателя» посредством паноптического контроля и панорафической переработки формируется как подчиненная, ориентированная на некритическое усвоение содержания и способа высказывания.

Ресурсом сближения героев повествования «Пиже» и «Выготского» выступает, в частности, специфический дизайн последнего, который подается «читателю» в педоцентристской проекции: *«Собственно, Лев Выготский (так же как и его известный теоретический оппонент Жан Пиже) показывает, каким именно онтогенетическим образом организующие опыт трансцендентальные структуры возникают из самого опыта»¹⁰*. Это обстоятельство, на мой взгляд, дает основание обозначить философско-онто-гносеологическую позицию Льва Выготского как трансцендентальный эмпиризм».

Мы не отрицаем в данном случае возможность трактовки некоторых периодов творчества Л. С. Выготского в антропоцентристской (педоцентристской), а не социоцентристской перспективе. У Выготского, как и в Библии, можно найти все. Но одновременно, при осуществлении такой

переработки, следует как-то учитывать и интертекстуальную ситуацию. В противном случае в риторической логике (и не только в ней) появляются недоразумения. Трансцендентальные структуры, например, оказываются парадоксально рожденными в имманентном опыте. Хотя диалогизм, о котором нам периодически напоминает «автор», лишает опыт индивида креативной генеративности, смещая ее центр в область межличностного взаимодействия. То есть в этом случае смыслы рождаются в коммуникации. Недоучет же «автором» интертекстуальных обстоятельств ставит читателя перед очередной методологической загадкой: как в свете «авторского» педоцентризма следует воспринимать известный тезис культурно-исторической концепции: «Всякая функция в культурном развитии ребенка появляется на сцену дважды, в двух планах, сперва — социальном, потом — психологическом, сперва между людьми, как категория интерпсихическая, затем внутри ребенка, как категория интрапсихическая»¹¹. Как здесь ни поворачивай, но никакие трансцендентальные или трансцендентные структуры, следуя общему генетическому закону культурного развития, сформулированному предельно жестко Выготским, из опыта не возникают и возникнуть не могут. Это оксюморон — живой труп. Сперва в социальном — и баста!

Однако «автор», как мы видим, из всех возможных линий интерпретации творчества Выготского выбирает ту, которая работает на принятую им цель: поиск общих мотивов. Такого рода избирательность требует для полноты комментария хоть какого-то объяснения. Тезис о некомпетентности «автора» мы априори отрицаем, тем более что в комментируемом сочинении он проявил завидную эрудицию и способность заглядывать в текстуальные глубины научных сообщений. Что же заставляет его строить именно такую конфигурацию статьи, рисовать перед читателем дружественные

¹⁰ Подчеркивание наше (А. П.).

¹¹ Выготский Л. С. Собрание сочинений: В 6-ти т. Т. 6. Научное наследство / Под ред. М. Г. Ярошевского — М.: Педагогика, 1984. — С. 145.

союзы «Выготских», «Пиаже», «Бахтиных», «Делезов», «Лекторских» и пр.?

Здесь, по нашему разумению, может быть два объяснения: культурологическое и педагогическое.

Культурологическое отсылает нас к идее взаимодействия в культурном универсуме двух типов гуманитарных практик: **унификации** и **уникализации**. Сущность первой может быть выражена метафорой, приобретающей особую выразительность в устах В. В. Давыдова, поиск «единства в многообразии». Сущность второй — поиск «многообразия единств». На научно-методологическом уровне взаимодействие гуманитарных практик проявляется в конкуренции номотетических и идиографических научных стратегий. Приверженность унифицирующей программе (не обязательно осознанная) побуждает ее агентов к игнорированию различий, поиску общих сегментов и средств их семиотического выражения. Символическое насилие в этом случае работает в направлении принуждения к согласию, в том числе и за счет текстуальных посредников. Не случайно комментируемый текст работает в денотативном режиме, используя в качестве средства выражения внешнюю референцию¹². Денотативная установка, как известно, эксплуатирует репрезентативную функцию языка — «Кот находится на подстилке» — то есть способность слов замещать предметы объективно существующего мира. В этом типе отношения всегда может быть установлена жесткая связь в форме соответствия между означающим и внетекстуальным означаемым. Однозначность, производимая такого рода связью, позволяет тексту не только контролировать

параметры означаемого, но и осуществлять социальный контроль. «Читатели» текста, принужденные к однозначному использованию знаков, оказываются примерно в одном и том же положении, они уже не просто «читатели», но акторы, воспроизводящие в отношении текста аналогичные действия. (Все воспринимают значения сообщения не как текстуальные образования, а как вещи объективно существующего мира). «Выготский», например, уже не «Выготский», а Выготский! Процесс чтения начинает работать по производственной схеме, воспроизводя единую форму читательской идентичности. А поскольку предъявляемая «пользователю текста» информация носит констатирующий характер, означающий излишность интерпретаций, то денотативное использование языка становится препятствием на пути возникновения критического отношения «читателя», направляя его усилия по пути регистрационной активности.

В то же время ориентация на уникализацию рождает интерес к различиям, разрывам традиции, поиск особенного и качественно отличного в кажущихся близкими явлениях. Символическое насилие в этом случае сообразуется с маркировкой или демаркацией границ, созданием ортогональных онтологий и эпистемологической политикой несоизмеримости. В отношении Другого эту позицию художественно представил М. М. Бахтин: «Ведь в каждый данный момент, в каком бы положении и как бы близко ко мне ни находился этот другой, созерцаемый мною человек, я всегда буду видеть и знать нечто, чего сам он со своего места вне и против меня видеть не может: части тела, недоступные его собственному взору, — голова, лицо и его

¹² Разность режимов высказывания удачно, на наш взгляд, выразил Г. Бейтсон: «Человеческая вербальная коммуникация может происходить и всегда происходит на многих контрастирующих уровнях абстракции, простирающихся в двух направлениях от кажущегося простым описательного уровня («Кот находится на подстилке»). Одно множество этих уровней (более абстрактных) включает в себя те эксплицитные или имплицитные сообщения, в которых предметом рассуждения является язык. Мы будем называть эти сообщения металингвистическими (например: «Речевой звук 'кот' представляет любого члена такого-то и такого-то класса объектов» или «Слово 'кот' не имеет меха и не царапается»). Сообщения, входящие в другое множество уровней абстракции, мы будем называть метакоммуникативными (например: «Я сказал тебе, где найти кота, по дружбе» или «Это — игра»). В этих случаях предметом рассуждения являются отношения между говорящими» (см. Бейтсон Г. Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии / Г. Бейтсон; пер. с англ. Д. Я. Федотова, М. П. Папуша. — М.: Смысл, 2000. — С. 299).

выражение, — мир за его спиной, целый ряд предметов и отношений, которые при том или ином взаимоотношении нашем доступны мне и не доступны ему. Когда мы глядим друг на друга, два разных мира отражаются в зрачках наших глаз»¹³.

Введение нами культурологического объяснения означает одновременно и наше принципиальное несогласие с автором текста, прежде всего в том тезисе, с анализа действия которого мы начали наш комментарий. Концептуальные различия несомненно важны, но они (увы!) вторичны по отношению к различиям культурным. Культурная и социальная обусловленность реальности предшествует или сопутствует методологическим установлениям и связанным с ней концептуализациям.

Второе объяснение унифицирующей композиции текста, как мы писали выше, педагогическое. Преподаватель, готовящийся к выступлению, понимает, что, прежде чем стать содержанием сообщения, его материал должен претерпеть некую реорганизацию, превратиться в нарративную целостность, удобную для последующего оперирования ею рассказчиком. При этом он должен также управлять аудиторией, делая ее послушной и обучаемой в смысле способности усвоения содержания сообщения. В отечественной педагогической психологии эта способность часто трактуется как умение занимать позицию ученика. Разумеется, что такого рода способность не является эманацией структур внутреннего мира студента, а выступает как следствие специально организованного диалога, ориентированного на минимизацию сопротивления ученика, активацию его готовности стать субъектом «символического насилия» (Бурдье, Пассрон).

Формированию такого рода позиции ученика служит чаще всего текстуальный монолизм. Сообщающий педагогический голос должен иметь привилегию. Рассказчика нельзя перебивать. В противном случае повествование разрывается, превращаясь в дискуссию. Это значит, что монологиче-

ский текст должен создавать в своем теле определенные структуры, защищающие его от деструкции. Очевидно, что читатели статьи, как и студенты на лекции, не станут проверять все цитирования и их контексты, а потому вынуждены доверять автору комментируемого повествования. Но это и необходимо для превращения их в «читателей». Принимая сказанное на веру, «читатель» одновременно научается действовать подобным образом, подражая «автору» не на уровне содержания сообщения, а на уровне обращения с высказыванием. Проверьте, уважаемые читатели, это предположение на себе. Попытайтесь включиться в авторскую речь, и вы, вероятно, почувствуете, подобно мне, что вам не оставлено места. Текст некоммуникабелен в том отношении, в каком он неозабочен собеседником. Внутренняя монологичность текста согласуется с его самоучрежденной авторитетностью и служит текстуальным условием блокады критической рефлексии «адресата».

Такова, на наш взгляд, прагматика статьи «Философско-методологический смысл анализа “значения” в культурно-исторической концепции Л. С. Выготского и антропологистике М. М. Бахтина», проявляющая себя в свете критического дискурс-анализа.

Теперь несколько слов по поводу того, почему статья М. Категова заслуживает, с точки зрения автора комментария, места в журнале «Диалог». Прежде всего потому, что прочтение этой работы автором комментария является хоть и методически организованным, но локальным суждением и у других читателей могут быть иные и достаточно обоснованные альтернативные мнения на сей счет. К тому же комментируемая статья, несомненно, обладает и определенным креативным потенциалом, способным при некоторых дополнительных условиях породить ответные творческие высказывания, размышления в связи с прочитанным и, возможно, новую волну подлинного интереса к творчеству Л. С. Выготского и М. М. Бахтина.

¹³ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин ; сост. С. Г. Бочаров. — М. : Искусство, 1979. — С. 22.